

Национальное стратегическое планирование: культурные трансформации и большие вызовы

И.В. Пржиленский

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены вопросы стратегического планирования национального развития в социально-философском дискурсе культурных трансформаций. Суть специфики национального стратегического планирования состоит в смысловом разграничении стратегии и тактики, стратегических и тактических задач, а также в различении целей и средств, необходимых для осмысления любого рационального действия. В статье поднимаются такие вопросы, как прогнозирование социальных и политических процессов, футурологические подходы к прогнозам и выстраивание прогнозов на основании цивилизационного подхода. В частности, для сравнения автор приводит труды американских и отечественных философов и политологов, дававших прогнозы национального развития и закладывавших в основу стратегического планирования именно культурные, цивилизационные основания. В статье делается вывод, что стратегическое планирование на уровне государства невозможно без способности прогнозирования и моделирования развития всего мира, всех его регионов и основных межрегиональных объединений. Это особенно актуально в условиях активного формирования глобального миропорядка, который вряд ли можно назвать порядком, но при этом текущая социальная, политическая, экономическая и демографическая динамика не является управляемым хаосом. Идет активный переход от однополярного мира к многополярному. Отмечается, что как никогда остро ощущается нехватка теоретической базы, адекватно объясняющей задачи происходящего и прогнозирующей будущее, хотя активные действия мировых игроков свидетельствуют об их стремлении вмешиваться в сложившиеся порядки и управлять происходящими изменениями. Еще один важный вывод, сделанный автором в настоящей статье, состоит в том, что на смену парадигме устойчивого развития приходит новая, ключевую роль в которой играет понятие «большие вызовы». Это понятие рождается в рамках исторической и культурологической наук, но его последующая эволюция показывает мощный конвергентный потенциал данного концепта и выстраиваемого на его основе концептуального каркаса. Парадигма больших вызовов необходима для объяснения и прогнозирования событий в сфере политики и экономики, государственного строительства и обеспечения национальной безопасности. Данная парадигма больших вызовов все еще находится в стадии концептуальной проработки, а также в выявлении и описании ее философских оснований.

Ключевые слова: планирование; стратегия; большие вызовы; прогнозирование; футурология; конфликт цивилизаций; национальное развитие

Для цитирования: Пржиленский И.В. Национальное стратегическое планирование: культурные трансформации и большие вызовы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):30-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-30-39

National Strategic Planning: Cultural Transformations and Big Challenges

I.V. Przhilenskiy

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

In this article, the author examines the issues of strategic planning of national development in the socio-philosophical discourse of cultural transformations. The essence of the specifics of national strategic planning is the semantic distinction between strategy and tactics, strategic and tactical objectives, as well as the distinction between goals and means necessary to comprehend any rational action. The article raises issues such as forecasting social and political processes, futurological approaches to forecasting and making forecasts based on a civilizational approach. In particular, the author cites in a comparative way the works of American and Russian philosophers and political scientists, who gave forecasts

of national development and laid the basis for strategic planning precisely cultural and civilizational foundations. The article concludes that strategic planning at the state level is impossible without the ability to predict and model the development of the entire world, all its regions and major interregional associations. This is especially true in the context of the active formation of a global world order, which can hardly be called order, but social, political, economic and demographic dynamics are not controlled by chaos either. There is an active transition from a unipolar world to a multipolar one. It is noted that the lack of a theoretical framework adequate to the tasks of explaining what is happening and predicting the future is more acute than ever, although the active actions of world players indicate their desire to interfere in the established order and manage the changes taking place. Another important conclusion that the author makes in this article is that the paradigm of sustainable development is being replaced by a new paradigm, in which the concept of a big challenge plays a key role. This concept was born within the framework of historical and cultural science, but its subsequent evolution shows the powerful convergent potential of this concept and the conceptual framework based on it. The paradigm of big challenges turns out to be necessary to explain and predict events in the field of politics and economics, nation-building and ensuring national security. This paradigm of great challenges is still in the stage of conceptual elaboration, as well as in identifying and describing its philosophical foundations.

Keywords: planning; strategy; big challenges; forecasting; futurology; conflict of civilizations; national development

For citation: Przhilenskiy I.V. National strategic planning: Cultural transformations and big challenges. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):30-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-30-39

ВВЕДЕНИЕ

Представление о стратегическом планировании появилось сразу же вместе с разделением планирования на краткосрочное и долгосрочное. И хотя оно системно и структурно ничем не отличается от обычного планирования, все же в нем проявляется некая специфика. Суть этой специфики состоит в смысловом различии стратегии и тактики, стратегических и тактических задач, а также в различии целей и средств, необходимых для осмысления любого рационального действия. Под стратегическим планированием понимается алгоритм решений, позволяющий согласовать последовательность действий исполнителей и организовать их своевременное взаимодействие друг с другом.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ: КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» впечатлила не только политологов, культурологов, философов. Она, несомненно, произвела впечатление на действующих политиков разных стран, в том числе и представителей российской власти. Писатели-футурологи появились не вчера, и нередко их прогнозы носили алармистский, если не катастрофический характер. Их историческими предшественниками были мистики и проповедники, ожидавшие конца света и считавшие эти ожидания вполне обоснованными в связи со способностью отдельных людей предвидеть будущее. Но от шаманов и колдунов, мистиков и пророков писатели-футурологи отличаются наукообразностью своих прогнозов. К. Маркс и О. Конт, Г. Уэллс и К. Э. Циолковский сохраняли верность литературному жанру, именуемому уто-

пией. В XX в. этот жанр обогатился — к утопиям добавились антиутопии. Как и в любом литературном жанре, в этих произведениях обязательно присутствовал литературный вымысел, в то время как С. Хантингтон подал информацию так, как будто речь шла о строгом научном прогнозировании.

С. Хантингтон подробно описывает будущее, которое уже можно сравнить с настоящим, потому что книга была написана четыре десятилетия назад. По версии американского ученого, Китай вступит в союзнические отношения с Россией, которые будут напоминать миру пакт Молотова — Риббентропа. Но затем российская элита переживет испуг от успехов набирающего мощь китайского государства, которое будет претендовать на абсолютное господство в Азии и на Дальнем Востоке. Далее, согласно логике прогнозирования, основанной на анализе цивилизаций, где культура играет решающую роль, российско-китайские отношения станут резко ухудшаться. «Поскольку политика России, — пишет С. Хантингтон, — принимает антикитайский уклон, и она предпринимает шаги по усилению группировки войск в Сибири, многочисленные китайские поселенцы в Сибири начинают мешать действиям России. Затем Китай осуществляет военную интервенцию для защиты своих соотечественников и оккупирует Владивосток, долину Амура, занимает другие ключевые части Восточной Сибири. И когда в центральной Сибири разворачиваются боевые действия между российскими и китайскими войсками, происходят восстания в Монголии, над которой Китай раньше установил свой “протекторат”» [1, с. 519].

Нетрудно видеть, насколько долгосрочное стратегическое планирование такого рода предопределяет

важные политические решения США и насколько далеки они оказываются от реальности. При этом знакомство с текстом самой книги создает у читателя иллюзию твердой научной основы сделанных в ней прогнозов. Именно так вначале интеллектуалы, а затем и широкие читательские массы были в свое время приобщены к коммунистическим идеям — образ научности тщательно поддерживался самим К. Марксом и его адептами. Отсюда и высокая степень общественного доверия к книгам, написанным этим автором, как и ко всем другим книгам, созданным по правилам научности, то есть основанным на строгих принципах, фактах и доказательствах.

З. Бжезинский в написанном им предисловии к разбираемому в настоящей статье произведению прямо называет «Столкновение цивилизаций» великим предупреждением о событии 11 сентября, когда боевики «Аль-Каиды» атаковали башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Подтверждая свою убежденность в оценке труда Хантингтона как научного и новаторского, он называет его выражением настоящей политической мудрости. «Хантингтон предупреждал, — пишет З. Бжезинский, — что в современном политически пробудившемся мире наше осознание особенностей различных цивилизаций требует от нас (так же, как атомное оружие, представляющее опасность для всего человечества) ориентации на межцивилизационные коалиции, на взаимное уважение и сдержанность в стремлении управлять другими нациями» [1, с. 7].

Что же новаторского в интеллектуальном плане увидел в книге С. Хантингтона долго работавший с ним и близко знавший его автор предисловия? Что вызвало резонанс такой силы, с которой, как отмечают авторы российского резюме, предпосланного книге, не может сравниться ни одна публикация второй половины XX в.? Это можно понять из названия другой книги, созданной коллективом американских ученых, редакторами и авторами которой выступили С. Лоуренс и С. Хантингтон. Посвященный экономическому развитию и социальным изменениям сборник называется «Культура имеет значение». Он знаменует собой поворот американской интеллектуальной элиты в подходе к стратегическому планированию.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ: ЭКОНОМИКА

Авторы сборника прямо пишут, что поворот к темам культуры и цивилизационной идентичности вызван неудачами прежних теоретических моделей, лежащих в основе управления социальными процессами

незападных стран — теориями модернизации 50-х и 60-х гг. Первоначально эти теории разрабатывались совместно с военными, ведь именно военным администрациям пришлось действовать в условиях глобального краха колониальных систем вроде британской или французской. Затем инициатива перешла к экономистам, потому что после наведения элементарного порядка в послевоенных обществах и в обществах, освободившихся от колониальной зависимости, всегда встают задачи восстановления прежних экономических отношений, разрушенных войной или национальным освободительным движением, а также налаживания новых международных экономических связей.

Одна из первых фундаментальных работ, создававших основу для национального проектирования и стратегического планирования после второй мировой войны, на которой основывалась обновленная теория социальных изменений, — концепция стадий экономического роста У. Ростоу. Эта концепция послужила прообразом всех последующих попыток объяснить способность того или иного общества к проведению успешной модернизации. Сам автор отмечал, что его работа относится к области истории экономики, хотя с первых же страниц понятно, что это исторический анализ, обращенный в настоящее и в значительной степени в будущее. И все рассуждения формируются именно так, как и должна выстраиваться логика стратегического планирования. У. Ростоу осознает, что, следуя своей задаче, ему приходится делать чересчур широкие обобщения. Да и как иначе, если ему приходится изучать явления разных исторических периодов так, как будто они происходят в параллели друг с другом и синхронны. «Но любой анализ, — пишет У. Ростоу, — претендующий на то, чтобы привести в одну систему, скажем, Великобританию XVIII в. и Россию эпохи Хрущева, Японию Мэйдзи и Канаду периода строительства железных дорог до 1914 г., Соединенные Штаты времен Александра Гамильтона и Китай Мао Цзедуна, Германию Бисмарка и Египет Насера, будет, естественно, ограниченным» [2, с. 11].

Осуществляемый с точки зрения историка-экономиста анализ социальных изменений и тесно связанных с экономикой политических преобразований приводит автора к необходимости обновления модели поэтапного развития, характерной для историков и философов XIX в. Так возникает концепция следующих друг за другом стадий хозяйственного роста, где вслед за длительной стадией сельскохозяйственного производства наступает стадия рождения индустриальной экономики. Между

этими стадиями выделяются переходные состояния созревания соответствующих предпосылок для индустриализации, среди которых развитие науки, разложение традиционных обществ в процессе роста рынков и торговли, политические сдвиги. Затем наступает стадия подъема. «Силы экономического прогресса, — отмечает У. Ростоу, — которые ранее привели к отдельным трещинам и потрясениям в традиционном обществе, широко распространяются и побеждают старые силы. Рост общества становится нормальным явлением. Развитие в порядке сложных процентов становится постоянной органической функцией всех составных частей общества» [2, с. 20].

Стадия подъема сменяется стадией быстрого созревания: резко возрастает объем инвестиций — их доля может колебаться от 10 до 20% национального дохода. Именно тогда наступает век массового потребления — индустриальное общество оформляется окончательно. Книга У. Ростоу на английском языке впервые напечатана в 1960 г. и знаменовала собой наступление периода, когда под проекты модернизации подводилась серьезная теоретическая база.

Кстати, одним из создателей таких проектов был и сам С. Хантингтон, писавший в конце 60-х о роли политических и экономических элит в модернизации африканских, латиноамериканских или азиатских экономик. Тогда главным предметом анализа становились оценки коррумпированности этих элит и их готовности к сотрудничеству с властями США в проведении рыночных реформ и создании демократических институтов по американскому образцу. В послевоенный период американский истеблишмент осознал огромные возможности, открывавшиеся перед ним в деле преобразования незападных обществ по своему образцу и, что само собой разумеется, в собственных интересах.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ: МОДЕРНИЗАЦИЯ

Очень успешными признавались модернизация Японии, Южной Кореи и других так называемых азиатских тигров, но при этом предпринимаемые США усилия по преобразованию стран в других регионах мира были не столь успешны, а иногда и просто провальны. Между тем специалистами из Гарварда, участвовавшими в стратегическом планировании модернизаций стран третьего мира, все равно обсуждались темы политики и экономики, коррумпированности элит и их зависимости от внешних агентов. И, рассматривая вопрос о власти, способной успешно проводить экономические реформы, они допускали в случае вакуума

легитимности власти замену такой легитимности личными качествами лидера или военной силой. Но необходимость создания этой властью политических, правовых и экономических институтов казалась тогда основной целью стратегического планирования. «Идет ли речь о господствующих элитах, — писал С. Хантингтон, — соревнующихся между собой и организующих массы в рамках существующей политической системы, или об элитах, противостоящих власти и организующих массы с целью разрушения системы, — в любом случае в модернизирующемся мире будущее за тем, кто организует будущую политику» [3, с. 480].

Именно тогда определяется важное для теорий модернизации содержание понятия личности, готовой к жизни в преобразованном мире. С. Хантингтон полагает, что для успешной модернизации в обществе должны выработаться ценности индивидуализма и установки на независимость от чужого мнения при принятии решений относительно выбора судьбы. Индивиды должны максимально психологически приспособиться к изменениям, позитивно воспринимать все новое, верить в силу рационального мышления, а также в неограниченные возможности науки и медицины. Кроме того, человек, готовый к современности, должен, по мнению С. Хантингтона, стремиться к самоутверждению, он должен быть честолюбив, интересоваться политикой и т.п. [4, с. 54]. И всему этому африканцев и азиатов должны были научить американские учителя, предварительно подготовив к современности элиты модернизирующихся стран.

Цепь неудач и просчетов заставила ведущих аналитиков и проектировщиков США подвергнуть критическому пересмотру базовые установки стратегического планирования. Оказались востребованы труды историка и исследователя цивилизаций А. Тойнби, писавшего о причинах расцвета и гибели цивилизаций. Несмотря на очевидную популярность теорий социальной модернизации, их эффективность может быть поставлена под сомнение — реальное развитие стран редко подчинялось планам, созданным на основе подобных теорий. Тем более что самая первая модернизация — развитие европейских стран в Новое время, продолжающееся уже не одно столетие, — по преимуществу опиралась не на планы или проекты.

Нет сомнения в том, что источником изменений западноевропейских обществ становились новые идеалы и ценности. Вот почему встал вопрос о том, что вначале изменению должно подвергнуться сознание людей, их убеждения и традиции, а затем

уж появляется возможность изменять институты и структуры социума, принимать новые законы и т.п. Все это нашло отражение в книге «Культура имеет значение», в которой разбирается роль культурных факторов в успехе или неуспехе модернизации развивающихся стран и их обществ в середине XX в.

Авторы сборника едины во мнении, что стремительность изменений в мире, где рушились империи и на их месте возникали независимые государства, диктовала необходимость быстро принимать решения о помощи этим государствам не только технологической и экономической, но и управленческой. Это выразилось в том, что предоставление той самой технологической и экономической помощи обуславливалось движением, которое американская элита оценила бы как модернизацию. Господствующим стало убеждение, что политический, экономический и культурный порядки, воцарившиеся в США, — наилучшие и подходят для всех остальных государств и народов. Западные ценности, такие как рынок и демократия, представлялись универсальными и буквально навязывались везде, где это только было возможно. При этом игнорировался тот факт, что их определение и интерпретация укоренены в культуре североамериканского государства и его истории. Именно поэтому синонимом термина «модернизация» стал термин «вестернизация», хотя этот второй термин и имеет совершенно иное значение, чем первый.

Но по мере того, как обнаруживалось все более неудач в таком простом перенесении установок и доктрин в разные части света, отличающиеся культурно или цивилизационно, становилась все более отчетливой необходимость поиска иных путей преобразования, истоки которых уходили бы в культуру и историю этих регионов. «Со временем, — писал С. Хантингтон, — исследуя особенности модернизации, политической демократизации, военной стратегии, поведения этнических групп, а также конфигурацию международных альянсов и конфликтов, специалисты стали все более активно обращаться к культурным факторам» [5, с. 10]. Между тем и в странах, где модернизация началась столетия назад, происходили изменения столь сложные и многообразные, что для их объяснения и прогнозирования понадобилось изучить само понятие современности и, конечно же, совокупность явлений, с ним связанных. Так теории модернизации начинают уступать место теориям модерна или теориям современности.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Стратегическое планирование на уровне государства невозможно без способности прогнозирования и моделирования развития всех его регионов и основных межрегиональных объединений, и всего мира в целом. Это особенно актуально в условиях активного формирования глобального миропорядка, который вряд ли можно назвать порядком, но и управляемым хаосом социальная, политическая, экономическая и демографическая динамика не является. Идет активный переход от однополярного мира, сложившегося после крушения СССР и всей системы социализма, к многополярному. Как никогда остро ощущается нехватка теоретической базы, адекватной задачам объяснения происходящего и прогнозирования будущего, хотя активные действия мировых игроков свидетельствуют об их стремлении вмешиваться в сложившиеся порядки и управлять происходящими изменениями.

Как отмечают В.И. Пантин и В.В. Лапкин, все попытки научно обоснованного построения модели, объясняющей и прогнозирующей изменения мирового порядка, за последние годы носили частичный и фрагментарный характер. Это в равной мере относится как к российской, так и к мировой политологии. Авторы объясняют это недостаточной разработанностью теорий мирового порядка и баланса сил, представленных в трудах Г. Моргентау, Г. Киссинджера, М. Каплан, К. Уолтца и других представителей неореалистической школы. В данных теориях мировая динамика трактуется как линейный, однонаправленный и исключительно поступательный процесс, в то время как в действительности мы наблюдаем его многовекторность и волнообразный характер. «В целом существующие теории мирового порядка и баланса сил, — пишут В.И. Пантин и В.В. Лапкин, — имеют сравнительно низкий прогностический потенциал, на их основе крайне сложно делать верные среднесрочные и особенно долгосрочные прогнозы изменения миропорядка, поскольку эти теории, как правило, не учитывают множество факторов, приводящих к нелинейной динамике глобальных политических и экономических изменений» [6, с. 27].

Сложившаяся в области политической теории ситуация во многом объясняется тотальным доминированием в исследовательском сообществе идей и текстов американских авторов, выдвигающих в качестве очевидного и несомненного тезис-допущение о мировом лидерстве возглавляемых США стран Запада, об их технологическом, экономическом и поли-

тическом преимуществе, а также о моральном и ценностном превосходстве. Именно эта точка зрения проводится, например, в работах З. Бжезинского [7] и Д. Фридмана [8], что и становится главной причиной указанной теоретической «однбокости». Это, по сути, приводит к навязыванию всем остальным странам и их элитам предельно удобного инструмента объяснения и прогнозирования глобальных процессов и явлений, а также наиболее простого пути стратегического планирования.

Альтернатива неореалистической и американоцентричной традиции стратегического планирования, а также прогнозирования и проектирования, предлагаемая В.И. Пантиним и В.В. Лапкиным, просматривается уже на уровне названия статьи. В центре внимания авторов и в основании имеющей фундаментальное значение прогностики оказываются такие нелинейные явления, как «дестабилизация» и «изменение мирового порядка». Обсуждаются сценарии, которые могли бы помочь предсказать возможные кризисы и имеющие существенное значение трансформации сложившихся в мире отношений, систем и структур. Попытка прогноза, предлагаемого в статье, также основывается на изучении прошлого и на утверждении неких закономерностей, которые, как в классических работах К. Маркса, О. Конта и У. Ростоу, носят стадийный характер. При этом предлагаемая В.И. Пантиним и В.В. Лапкиным модель социальных изменений исходит из теории циклов, хорошо зарекомендовавшей себя в экономике. Авторы видят свою задачу «в определении наиболее важных точек поворота в мировом развитии в переходный период 2020–2040-х гг. на основе структурно-эволюционного подхода, структурного подобия циклов эволюции мировой политической и экономической системы» [6, с. 31].

Основой составления сценариев изменения мирового порядка в статье объявляются циклы эволюции мировой системы, которых авторы насчитали три. В каждом из них, в свою очередь, выделяются по две фазы — фаза технологической революции и фаза революции мирового рынка. Первый цикл охватывает период с 1789 по 1873 гг., второй с 1897 по 1969 гг., а третий — с 1981 по 2041 гг. Анализ приводит авторов к необходимости спрогнозировать целый ряд кризисов, а также указать на вызовы и угрозы, связанные с этим. Среди наиболее существенных выделяются межэтнические конфликты, отрицательная демография, имущественное расслоение, ценностные расколы, недостаточно устойчивая экономика, информационно-психологические войны, ведущиеся странами Северной Америки и Западной Европы.

ПАРАДИГМА БОЛЬШИХ ВЫЗОВОВ

Стратегическое планирование в Российской Федерации все еще находится в стадии формирования — только сейчас встал вопрос об определении научной основы для этого. Такое планирование должно носить системный характер, а его принципы должны быть выстроены в отдельную, специально для этого созданную парадигму, которую можно было бы назвать парадигмой больших вызовов. Главным импульсом, породившим обсуждение названной темы, стал выход в свет «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»¹. В документе определены источники больших вызовов Российской Федерации как комплексы внешних и внутренних (по отношению к области науки и технологий) факторов. «“Большие вызовы”, — отмечают авторы Стратегии, — создают существенные риски для общества, экономики, системы государственного управления, но одновременно представляют собой важный фактор для появления новых возможностей и перспектив научно-технологического развития Российской Федерации»². Таким образом, все проблемы, требующие для решения чего-то большего, чем ресурсы, должны пониматься как факторы, способные изменить как объект управления, так и его субъект.

«В настоящее время, — пишут Л.Е. Гринин, С.Ю. Малков, В.И. Пантин, Д.С. Чернавский, — в Российской Федерации создается система стратегического планирования, в рамках которой должны быть объединены процессы стратегического целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» [9, с. 47].

Это очень важная мысль, потому что вопрос о стратегическом планировании дополнен обозначением проблемы обеспечения национальной безопасности и переведен тем самым из предметного пространства социально-экономического планирования в сферу междисциплинарного и комплексного анализа. Определена и нормативно-правовая база национального стратегического

¹ Стратегия утверждена Указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbo dy=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102416645>

² Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642.

планирования — в настоящее время ее составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, иные нормативно-правовые и законодательные акты Российской Федерации в сфере стратегического планирования.

Среди наиболее актуальных тем в разработке теоретической основы стратегического планирования — тема соединения в междисциплинарном анализе вопросов политики, экономики, этнологии и демографии. Дж.А. Голдстоун, Л.Е. Гринин, В.В. Устюжанин и А.В. Коротаев отмечают ряд тенденций в развитии различных регионов мира, где, по их мнению, возможны социальные обострения и революционные выступления. Во-первых, утверждают они, это связано с ростом экстремистских настроений в странах и областях с преимущественно мусульманским населением. Вторым значимым фактором они называют обострение национально-освободительной борьбы в ряде регионов за создание национальных государств. Затем следуют упоминания о кризисе демократии и падении темпов экономического роста. Но наиболее вероятной причиной роста революционных настроений может оказаться демографическая ситуация. «Те регионы мира, — пишут Дж.А. Голдстоун, Л.Е. Гринин, В.В. Устюжанин и А.В. Коротаев, — которые застряли на ранних стадиях демографического перехода, с высокими темпами роста населения и молодым населением (а это в основном Африка южнее Сахары, а также Ирак, Сирия, Йемен, Пакистан и некоторые страны Центральной Америки), будут склонны к революциям в ближайшие десятилетия, особенно если экономическое неравенство будет обостряться» [10].

Казалось бы, прогнозирование социальной нестабильности не содержит в себе ничего нового, точно так же, как и ее проектирование и даже конструирование. Однако прежде этим занимались представители специальных служб и сами прогнозы не публиковались в открытой печати. Более того, прогнозирование роста международной напряженности было уделом дипломатических служб, попытки предугадать тайные действия правительства недружественного государства или происки спецслужб противника являлись уделом разведки и контрразведки. Сегодня в сверхсвязанном глобализованном мире это сделать значительно труднее потому, что управляемость процессами существенно снизилась, а на международную арену все более

зримо выходят игроки нового типа — транснациональные корпорации и бюрократические аппараты всевозможных наднациональных организаций.

В большинстве случаев стратегическим планированием, или стратегированием, называют планирование экономического или социально-экономического развития. Но даже на уровне экономического развития необходимо учитывать национальные, формационные и цивилизационные особенности. Так, принятая в СССР система пятилетних планов успешно использовалась в послевоенных Японии и Южной Корее, твердо вставших на путь капиталистического развития. Этого нельзя сказать о системе стратегического планирования в США, Канаде или Великобритании, которые можно считать децентрализованными. Между тем этим системам присуще долгосрочное планирование, носящее стратегический характер — оно не зависит от меняющихся каждые четыре, шесть или восемь лет президентов.

Но сторонники государственного планирования все же считают наиболее эффективным централизованное планирование. «Четкость и афористичность формулировок целей, — пишут Юйшань Ван и И.В. Новикова, — долгосрочность стратегий и единство государственного аппарата, науки и общества в их достижении являются отличительными чертами китайской системы стратегического планирования» [11, с. 299]. Особенно ценно здесь понимание, что научный подход и стремление к четкости формулировок не исключают афористичности. Авторы стратегии осознают, что от того, насколько афористичным будет понимание целей, настолько близки они станут всему китайскому обществу, в то время как российская манера изложения стратегических задач оказывается близка лишь сравнительно узкому кругу управленцев и представителям так называемой академической среды.

Российские исследователи, изучающие опыт КНР по стратегическому планированию, убеждены, что нам есть чему поучиться у китайских товарищей в их умении выстраивать стратегию национального развития. В основе их работы действительно лежит принцип комплексности и методология междисциплинарности, а для работы привлекаются специалисты самого разного профиля. «Если у нас авторами стратегии концепции развития до 2020 г. называют Минэкономразвития, — пишет К.Г. Муратшина, — то в Китае были привлечены кроме указанных экономистов (своих китайских) историки, политологи и социологи, спецслужбы, для чего были созданы десятки институтов» [12, с. 87]. Все это позволило авторам расчетов и планов учесть не

только экономические детерминанты социальной и политической динамики, но и оценить реальные перспективы коллективного целеполагания, его возможности и границы.

В связи с вышесказанным не может не возникнуть вопрос о том, связана ли эффективность анализа нынешней ситуации и определения перспектив ее последующего развития в национальном масштабе с выбором между американской децентрализованной системой и китайской централизованной? Представляется, что ответ может быть найден в словах Юйшань Ван и И.В. Новиковой, указывающих на то, что, несмотря на «децентрализованный» характер стратегического планирования в США, оно является и долгосрочным, и эффективным, и не зависит от сменяющих друг друга президентов, даже если прежний и приходящий ему на смену президенты принадлежат разным партиям. Как же может такое происходить в условиях децентрализации? Видимо, под децентрализацией понимается особый тип организации работы аналитических центров и отдельных аналитиков, где координация усилий доминирует над субординацией. Но говорить о независимости этих центров друг от друга — это одно, а говорить о независимости их от некоего координирующего их усилия центра — совсем другое.

Американский опыт заслуживает пристального внимания хотя бы потому, что роль и влияние США в современном мире, несмотря на ослабление, все еще достаточно велика. Немало тех, кто считает, что организация стратегического планирования — одна из причин успехов США в XX в. Немалую роль эта организация играет и сегодня. В.С. Чикальдина и С.И. Грачев даже называют американские «фабрики мысли» или «мозговые тресты» (от англ. think tanks), характерные для Соединённых Штатов, Великобритании и других стран англосферы, ключом к пониманию феномена Трампа, победившего на выборах президента в США. «Нужно понимать, — утверждают В.С. Чикальдина и С.И. Грачев, — что современные «фабрики мысли» не просто сотрудничают с высшей школой, но являются полноценными автономными институтами, которые занимаются разработкой определенных идеологических концепций и моделей, а также механизмов их имплементации» [13, с. 35].

По мнению авторов, глобализация, локализация и фрагментация мира создают настолько хорошие условия для функционирования «свободной сети» фабрик мысли, что для них наступает «золотой век». Возникают даже мозговые центры нового типа, в которых информационно-прогностический

потенциал дополняется возможностью активного участия в политическом процессе и оперативно-го вмешательства в деятельность тех или иных политических акторов. Г.Б. Кочетков, В.Б. Супян также подчеркивают роль науки в стратегическом планировании, осуществляемом фабриками мысли, и успешность привлечения к этому ведущих американских ученых. Но при этом аналитико-прогностические структуры этого типа выполняют не только функцию выработки планов и программ, на которые должны ориентироваться руководители разного уровня в проведении государственной или корпоративной политики. «Современные «мозговые центры» США, — замечают Г.Б. Кочетков, В.Б. Супян, — это сложное общественно-политическое явление, которое нельзя оценить однозначно. Необходимо подчеркнуть, что при всей своей внутренней идеологической противоречивости независимые исследовательские центры выполняют важную общественную функцию — с одной стороны, они являются одним из сегментов американской науки и производят научную продукцию, а с другой — играют важную политическую роль, отражая различные направления социально-политической мысли» [14, с. 66].

Что имеют в виду авторы, говоря о политической роли мозговых центров, вполне понятно — делаемые ими анализы, прогнозы и оценки не могут не оказывать влияние на умы людей, их настроения, тревоги и надежды. Между тем в приведенной цитате косвенно говорится и о другом — центры оказываются модераторами, организующими диалог общества и государства, народа и власти, политических партий и их партийного истеблишмента. Но есть и многочисленные недостатки такой формы организации стратегического проектирования, наиболее очевидным из которых является та самая политическая ангажированность, о которой косвенно упоминали авторы, когда отмечали способность think tanks оперативно вмешиваться в политические процессы и влиять на мнение рядовых граждан США, а также других обществ и их правительств. Сотрудники данных структур могут действовать и как исследователи, и как политические лоббисты, и как публицисты, и как журналисты — они проводят исследования, взаимодействуют с чиновниками разного уровня, пишут книги и статьи. Но при этом их деятельность не регулируется ни юридическими нормами, ни морально-этическими кодексами, в то время как деятельность ученых, политических лоббистов и журналистов достаточно жестко регламентирована.

ВЫВОДЫ

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что стратегическое планирование в современной России, как и во всем остальном мире, превращается в важнейший элемент жизни современного общества. Благодаря превращению стратегического планирования в социальный институт решаются важнейшие политические, экономические и духовно-нравственные задачи, стоящие перед обществом и государством в сложном и многополярном мире. Выработка единой стратегии, опирающейся на научно-технический прогресс, с одной стороны, и на духовные скрепы — с другой, оказывается мощной интегрирующей силой, сообщающей единство социальному и культурному многообразию. Значимость стратегического планирования на национальном уровне состоит в том, что оно является сформулированным коллективным целеполаганием.

Второй важный вывод строится на том, что на смену парадигме устойчивого развития приходит новая парадигма, где понятие «большие вызовы» играет ключевую роль. Это понятие рождается

в рамках исторической и культурологической науки, но его последующая эволюция показывает мощный конвергентный потенциал данного концепта и выстраиваемого на его основе концептуального каркаса. Парадигма больших вызовов оказывается необходима для объяснения и прогнозирования событий в сфере политики и экономики, государственного строительства и обеспечения национальной безопасности. Во многом это связано с завершением победоносного шествия европейской цивилизации и, прежде всего, его завершающей фазы, которую именуют Pax Americana. Переход от сложившейся по итогам второй мировой и холодной войн, американской гегемонии к многополярному миру завершает череду линейной модели социального и политического развития, актуализируя переход от концептуальных схем формационного типа к цивилизационным моделям и сценариям развития. Но при этом парадигма больших вызовов все еще находится в стадии концептуальной проработки, а также в выявлении и описании ее философских оснований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ; 2023. 571 с.
2. Росту У.У. Стадии экономического роста. Пер. с англ. Нью-Йорк: Издательство Фредерик А. Прегер; 1961. 236 с.
3. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. Москва: Прогресс Традиция; 2004. 480 с.
4. Рукавишников В.О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ. *Социологические исследования*. 1995;(3):34-46.
5. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Сборник статей. Харрисон Л., С. Хантингтон С., ред. Пер. с англ. Москва: Московская школа политических исследований; 2002. 315 с.
6. Пантин В.И., Лапкин В.В. Основные сценарии дестабилизации и изменения мирового порядка. *История и современность*. 2024;(1):27-57. DOI: 10.30884/iis/2024.01.02
7. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. Москва: Международные отношения; 2010. 262 с.
8. Friedman G. The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century. New York: Knopf Doubleday Publishing Group; 2009. 288 p.
9. Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Пантин В.И., Чернавский Д.С. Угрозы развитию России и задачи стратегического планирования. *Экономические стратегии*. 2015;7(132):46-59. URL: <https://www.elibrary.ru/uygcv>
10. Голдстоун Д.А., Гринин Л.Е., Устюжанин В.В., Коротаев А.В. Революционные события XXI века: предварительный количественный анализ. *Полис. Политические исследования*. 2023;(4):54-71. DOI: 10.17976/jpps/2023.04.05
11. Ван Ю., Новикова И.В. Стратегическое планирование экономического развития Китая. *Стратегирование: теория и практика*. 2022;(3):293-303. DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-3-293-303
12. Муратшина К.Г. «Китай-2050»: специфика формирования стратегии. *Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки*. 2010;(3):85-92. URL: <https://www.elibrary.ru/mvkhop>
13. Чикальдина В.С., Грачёв С.И. Американские консервативные «фабрики мысли» («thinktanks») как генераторы «трампиетской» парадигмы. *Общество: политика, экономика, право*. 2023;(3):34-38. DOI: 10.24158/rep.2023.3.4
14. Кочетков Г.Б., Супян В.Б. «Мозговые центры» в США: наука как инструмент реальной политики. *Проблемы прогнозирования*. 2010;(5):52-67.

REFERENCES

1. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow: AST; 2023. 571 p. (In Russ.)
2. Rostow W. W. *The Stages of economic growth*. Transl. from Eng. New York: Frederick A. Praeger Publishing House; 1961. 236 p. (In Russ.).
3. Huntington S. *Political order in Changing societies*. Moscow: Progress Tradition; 2004. 480 p. (In Russ.).
4. Rukavishnikov V. O. Sociological aspects of modernization of Russia and other post-communist societies. *Sociological research*. 1995;(3):34-46. (In Russ.).
5. Culture matters. How values contribute to social progress. Collection of articles. Harrison L., Huntington S., eds. Transl. from Eng. Moscow: Moscow School of Political Studies; 2002. 315 p. (In Russ.).
6. Pantin V.I., Lapkin V.V. Main scenarios of destabilization and changes in the world order. *History and modernity*. (1):27-57. (In Russ.). DOI: 10.30884/iis/2024.01.02
7. Brzezinski Z. *Choice. World domination or global leadership*. Moscow: International Relations; 2010. 262 p. (In Russ.).
8. Friedman G. *The next 100 years: A forecast for the 21st century*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group; 2009. 288 p.
9. Grinin L.E., Malkov S. Yu., Pantin V.I., Chernavsky D.S. Threats to the development of Russia and the tasks of strategic planning. *Economic strategies*. 2015;(7):46-59. (In Russ.).
10. Goldstone J. A., Grinin L. E., Ustyuzhanin V. V., Korotaev A. V. Revolutionary events of the 21st century: A preliminary quantitative analysis. *Polis. Political Studies*. 2023;(4):54-71. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.05> (In Russ.).
11. Van Yu., Novikova I. V. Strategic planning of China's economic development. *Strategizing: Theory and practice*. 2022;(3):293-303. (In Russ.). DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-3-293-303
12. Muratshina K. G. "China-2050": The specifics of strategy formation. *Proceedings of the Ural State University. Series 3: Social Sciences*. 2010;(3):85-92. URL: <https://www.elibrary.ru/mykhop> (In Russ.).
13. Chikaldina V. S., Grachev S. I. American conservative "thought factories" as generators of the "Trumpist" paradigm. *Society: politics, economics, law*. 2023;(3):34-38. (In Russ.). DOI: 10.24158/pep.2023.3.4
14. Kochetkov G. B., Supyan V. B. "Think tanks" in the USA: Science as a tool of real policy. *Forecasting problems*. 2010;(5):52-67. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Игорь Владимирович Пржиленский — кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Igor V. Przhilenskiy — Cand. Sci. (Socio.), Assoc. Prof. of the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-6385-3762>

yesdreamer@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 24.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.